

М.Р. Москаленко, Е.М.Кропанева
Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Аннотация: в статье дается характеристика процессов трансформации правовой культуры в России в условиях модернизации на рубеже XIX-XX веков. Ключевые слова: право, культура, модернизация российского общества, воспитание.

M.P. Moskalenko, E.M.Kropaneva
Ekaterinburg

FEATURES OF THE LEGAL CULTURE OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF THE SOCIETY AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES

Abstract: the article is devoted to the processes of transformation of the legal culture in Russia in the conditions of modernization at the turn of XIX-XX centuries. Keywords: law, culture, modernization of the Russian society and upbringing.

Правовая культура – общий уровень знаний и объективное отношение общества к праву; совокупность правовых знаний в виде норм, убеждений и установок, создаваемых в процессе жизнедеятельности и регламентирующих правила взаимодействия личности, социальной, этнической, профессиональной группы, общества, государства и оформленных в виде законодательных актов[9]. Гражданско-патриотическое воспитание, правовая культура, как комплекс знаний, ценностных установок и ориентаций, знаний законов, умений и навыков, позволяет человеку жить в гармонии с общечеловеческой и национальной и с культурой других народов [5].

На особенности правовой культуры России рубежа XIX – XX вв. влияли следующие факторы: 1. Крайне низкий уровень общей и правовой грамотности населения. Формально уровень грамотности населения был около 30% (по сравнению с 90% в развитых европейских странах: Англия (без учета колоний), Норвегия, Швеция, Швейцария, Голландия, Дания, Германская империя)¹⁰⁸, фактически – еще меньше, особенно у крестьян. Соответственно, не имея даже начального образования, большинство граждан совершенно не могли защищать свои права. 2. Привычное, веками сложившееся терпение к произволу властей и бесправному положению личности. Россия одной из последних (в 1861 г.) отменила личную крепостную зависимость крестьян, но веками складывающиеся черты «барства» и «холопства», пренебрежения к челове-

¹⁰⁸ Народное образование в России начала XX в. URL: <http://zpravdu.ru/content/view/309/9/1/2/>

скому достоинству, были очень сильны. 3. Особенности структуры общества и существующих общественно-политических институтов. В России исторически государственная власть брала на себя функции проведения модернизаций «сверху», и практически все российские модернизации основывались не на развитии институтов гражданского самоуправления, а на подавлении личности государством, характерном для обществ «мобилизационного типа». Отдельные демократические институты все-таки образовывались (община, сельские сходы, земства, позднее – советы и т.д.), но они несли заведомый системный дефект, выступая не столько институтами низовой демократии (хотя такие функции у них были), сколько вписываясь в директивную систему управления экономикой и обществом. Отсюда не формировался тип гражданина в европейском понимании, а у граждан, особенно образованных, возникало ощущение отчужденности от общества, управления и культуры (о чем говорят феномены «лишних людей», диссидентов и др.). 4. Состояние начального этапа индустриальной цивилизации, когда появляется огромное количество маргиналов и пауперов, вытолкнутых из привычной социальной среды. Тяжелые условия жизни, почти полное отсутствие социальных гарантий для большинства населения, огромное социальное расслоение, неприятие моральных норм общества «дикого капитализма», подавление властью гражданских инициатив интеллигенции и забастовочного движения рабочих – все это приводило к развитию правового нигилизма, преобладанию радикальных и насильственных способов борьбы за свои права.

Традиции правового нигилизма в России уходят корнями в глубокое средневековье, когда господствовало убеждение, свойственное архаическим типам культуры, что обычай и общественная мораль гораздо эффективнее защищают элементарные права человека, чем писаное законодательство. Русская мысль об этом спорит уже давно, т.к. России свойственна подмена правосознания этическими воззрениями, развитие «внутренней правды», а не внешнего оформления нормы закона. Показательным примером является то, что Л.Н. Толстой, называя юридическую науку «болтовней» о праве, требовал заменить право нравственными проповедями [7].

В современной философии права выделяют следующие критерии правовой культуры: ориентация на правовые ценности; соответствующий уровень образования, знание основных прав и обязанностей; социально-активные жизненные цели; критическое восприятие негативной социальной практики в целом и нарушения основных прав и свобод в частности; чувство законности и справедливости; осознанный выбор мотивов и законопослушных вариантов поведения, соответствующих представлениям о гражданском долге; достигнутый социальный статус (предполагается, что лица, входящие в «средний класс» и элиту, гораздо

больше ориентированы на законопослушное поведение, чем «низы» общества).

Конечно, применительно к российским реалиям рубежа XIX – XX вв. возникает масса вопросов. Например, что понимать под социально-активными жизненными целями? Стремление служить Отечеству, занимаясь просветительской работой, как это делали, например, А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, сосланные декабристы и др.? Их позитивная деятельность на благо общества общепризнанна. Ну а как быть, например, с оценкой деятельности радикальных революционеров всех мастей – большевиков, эсеров и их предшественников народников? Их цели были социально активны, но вот оценка деятельности... Все авторы сходятся в том, что она явно не содействовала развитию законопослушного поведения граждан, хотя и ставила своей целью создание демократических институтов в обществе (революционным или реформаторским путем, в зависимости от степени радикализма).

А разве чувство законности не может противоречить чувству справедливости? Для традиционной ментальности свойственно некоторое противопоставление справедливости, «правды», и закона, который, как правило, исходит от властных структур и поэтому враждебен простому человеку: «С сильным не борись, с богатым не судись». Особенно острым данное противоречие – между представлениями масс о «правде» и фактическим положением дел в обществе было в России рубежа XIX – XX вв. Как отмечает, например, А.С. Ахиезер, основная масса крестьянства противостояла экономической необходимости капитализма. Перед слабым капитализмом, державшимся за счет принудительной перекачки ресурсов архаичным государством, возник грозный противник. Это был крестьянин, сформировавший свои представления в незапамятные времена и тяжело страдавший от перемен. Для поднимающейся волны синкретической реакции врагом был свой же сосед крестьянин, который лучше других приспособлялся к новым формам жизни, ослаблял свои узы с древней общиной. Данное противоречие воспринималось как раскол между кривдой и Правдой, между силами, стремящимися к социализму, к народному благу, и силами, стремящимися к людоедскому эгоизму, к капитализму [1].

По поводу капитализма как экономической основы гражданского общества и правового государства (ведь согласно марксизму, именно экономический базис определяет политическую настройку; да и именно капитализм породил в Европе новый, отличающийся от феодального, тип личности с иным правосознанием), то большинство мыслителей оценивали его роль в России крайне скептически. Очень хорошо это сформулировано, например, у неонародника В.П. Воронцова. В работе «Наши задачи», написанной в 1893 г., он отмечал, что нормы социального и экономического быта, выработанные Европой, не могут служить образцами при образовании какой-либо страны, преследующей благо

трудящейся массы [4 с. 58]. В другой своей работе, «От семидесятих годов к девятисотым» он писал, что «капитализм не годится в руководители русской культуры. Вместо ожидаемой гармонии его стремлений с историческими задачами и путями, какими следует прогресс, мы очень скоро убедились в их антагонизме. Капитализм теперь очевидно не в силах выполнить в России ту роль, какую он некогда играл в Европе» [3 с.49].

Главная проблема, по мысли В. П. Воронцова, заключалась в том, что против идеи народовластия выступал сам народ, который в силу своей социокультурной неразвитости, не представлял себе русского государства без батюшки-царя [6 с. 62]. Русское общество, по его мнению, к началу XX в. очутилось в положении, когда осознается необходимость новых реформ, но отсутствуют сознательные политические силы, которые обеспечили бы их осуществление. «Естественное решение этого вопроса указывается нашим прошлым: реформы шестидесятых годов были осуществлены властью» [3 с. 189].

Из вышеперечисленного видно, что правовая культура в современном понимании находилась в России у основной массы населения в зачаточном состоянии. Сами особенности российских модернизаций как бы «консервировали» правосознание граждан, основываясь на этатизме и патернализме, и нацеливались на формирование индивида, преданного существующей идеологии, политической и государственной системе. Человек с развитым правовым сознанием понимал, что такая система чревата многими дефектами, и перед ним стоял моральный выбор: либо вписываться в нее, служа обществу, содействуя развитию образованности, просвещения, общей и правовой культуры (наиболее яркий пример – собирательный образ, литературный герой Э.П. Фандорин), либо противостоять ей (диссиденты всех мастей – реальные и вымышленные – от Чацкого до А. Сахарова).

Можно также отметить следующие особенности российских модернизаций: проводились «сверху» и имели радикальный характер; внедрялись в неготовую для их восприятия национальную почву, негативно воспринимались большинством населения; модернизационные реформы часто осуществлялись насильственно, ценой больших жертв, при этом имели исторически кратковременный успех, поднимая вопрос о несопоставимости цели и средств; народ воспринимал далеко не все навязываемые ему ценности, перестраивая их под собственную ментальность.

Как отмечает исследователь А.И. Владимиров, сформированные таким образом «информационно-культурные коды, закрепляясь в национальной генетике, несли в себе потенциально убийственные гены бунта против собственной нереализованности, тоски по справедливости и несбывшемуся внутренней анархичности и пессимистического фатализма» [2 с. 45]. Совершенно очевидно, что сформированные в таких

условиях стереотипы правовой культуры изначально содержали в себе серьезные многоуровневые мировоззренческие противоречия даже в теоретическом осмыслении, не говоря уже о столкновении с реальной действительностью, порождая скепсис и недоверие в отношении права в целом.

Библиографический список:

1. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России: в 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997-1998.
2. *Владимиров А.И.* О национальной государственной идее России. Стратегические этюды. М.; Новосибирск: ЮКЭА, 2000. 288 с.
3. *В. В. (Воронцов)* От семидесятых годов к девятисотым. Сборник статей. СПб. : Типография т-ва «Общественная Польза», 1907. 236 с.
4. *Воронцов В.П.* Наши задачи // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – нач. XX в. Избранные произведения. М., 1994. С. 56-63.
5. *Кузнецов В.Б.* Гражданско-патриотическое воспитание. Правовая культура личности. URL: <http://journal.preemstvennost.ru/index.php/novyj-nomer/12-uud/29-grazhdansko-patrioticheskoe-vospitanie-pravovaya-kultura-lichnosti>
6. *Мошкин Г.Н.* Василий Павлович Воронцов // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 58-64.
7. *Ячевский В.В.* Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1983. 167.